

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-239-247

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского, председатель
Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, эксперт
РАН, ORCID 0000-0001-7731-724X,

<https://ludmilagru.academia.edu/research>

e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАННИЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ. ЧАСТЬ 2. ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ М.М. СПЕРАНСКОГО 1809 Г. КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРТИЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО 1815 Г.

Аннотация. В статье рассматривается «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. как наиболее развитая правительственная программа раннего конституционного реформирования Российской империи начала XIX в. Обосновывается, что данный документ не являлся конституцией в формально-юридическом смысле, поскольку не был принят как основной закон, не получил высшей юридической силы и не создавал парламентскую форму правления. Вместе с тем по своему содержанию он обладал выраженным протоконституционным характером: в нем была предложена системная модель «коренных государственных законов», разграничения законодательной, исполнительной и судебной властей, учреждения Государственной думы, Государственного совета, многоступенчатого представительства, судебной организации и правового статуса подданных. Делается вывод, что проект Сперанского стал не революционной альтернативой самодержавию, а юридической программой его рационального преобразования в правозаконную монархию, предвосхитившую последующие конституционные проекты и акты Российской империи XIX - начала XX вв.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Введение к уложению государственных законов, российский конституционализм, протоконституционный акт, коренные государственные законы, Государственная дума, Государственный совет.

Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru/>.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,

Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava",
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

EARLY FORMS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROTO-CONSTITUTIONAL ACTS. PART 2. INTRODUCTION TO THE CODE OF STATE LAWS OF M.M. SPERANSKY 1809 CONSTITUTIONAL CHARTER OF THE KINGDOM OF POLAND 1815

Annotation. *The article examines M. M. Speransky's "Introduction to the Code of State Laws" of 1809 as the most developed governmental programme of early constitutional reform in the Russian Empire at the beginning of the nineteenth century. It is argued that this document was not a constitution in the formal legal sense, since it was not adopted as a basic law, did not acquire supreme legal force and did not establish a parliamentary form of government. At the same time, its content had a pronounced proto-constitutional character: it proposed a systematic model of fundamental state laws, separation of legislative, executive and judicial powers, establishment of the State Duma and the State Council, multi-level representation, judicial organization and the legal status of subjects. The article concludes that Speransky's project was not a revolutionary alternative to autocracy, but a legal programme for transforming it into a law-governed monarchy, anticipating subsequent constitutional projects and acts of the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries.*

Key words: *M. M. Speransky, Introduction to the Code of State Laws, Russian constitutionalism, proto-constitutional act, fundamental state laws, State Duma, State Council.*

История российского конституционализма не может быть сведена только к революционным программам, декабристским проектам или Основным государственным законам Российской империи 1906 г. В дореволюционной России существовала иная, менее радикальная, но исключительно значимая линия конституционной мысли - правительственно-реформаторская. Ее сущность заключалась не в отрицании монархии, а в попытке юридически организовать самодержавную власть, подчинить ее устойчивым законам, учреждениям и процедурам.

Наиболее развитым выражением этой линии стало «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. Документ был подготовлен в период реформаторских ожиданий начала царствования Александра I и представлял собой план общего государственного преобразования Российской империи [2, с. 3-12]. В отличие от «Кондиций» 1730 г., ограничивавших монарха в пользу узкой аристократической группы, и в отличие от декабристских проектов 1820-х гг., предполагавших радикальное переустройство государства, проект Сперанского был правительственной программой рационализации имперской власти.

Главная научная проблема в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, заключается в определении юридической природы этого документа. С одной стороны, он не был конституцией в строгом смысле: не был принят как основной закон, не получил высшей юридической силы, не создал ответственного перед народным представительством правительства и не устранил самодержавную верховную власть. С другой стороны, по содержанию он выходил далеко за рамки административной реформы. М. М. Сперанский предложил систему коренных законов, многоступенчатого представительства, разграничения властей, законодательного

процесса, судебной организации и правового положения подданных [3, с. 121-148].

Для корректной оценки проекта М. М. Сперанского необходимо различать три категории: конституцию, конституционный проект и протоконституционный акт. Конституция в формально-юридическом смысле - это действующий основной закон государства, обладающий высшей юридической силой и закрепляющий основы государственного строя, систему органов власти, права и свободы личности. Конституционный проект - разработанная, но не вступившая в силу модель основного закона или государственного устройства, прямо направленная на учреждение конституционного порядка.

Протоконституционный акт является более сложной историко-правовой категорией. Он охватывает документы, которые еще не являются конституциями и могут даже не именоваться конституционными проектами, но содержат ключевые элементы конституционализма: ограничение власти законом, структурирование высших органов государства, разграничение властных функций, представительство, права подданных, процедуру законодательства и идею устойчивых «коренных» законов [13, с. 37-46]. Именно к этой категории относится «Введение к уложению государственных законов». Сперанский не предлагал немедленно уничтожить самодержавие. Его задача состояла в том, чтобы придать самодержавной власти юридически организованную форму. Однако сама постановка вопроса о «коренных государственных законах» означала переход от административной реформы к конституционно-правовому мышлению [2, с. 15-21]. В этом смысле протоконституционность документа выражается не в наличии демократического парламентаризма, а в более глубоком, на наш взгляд, признаке: в попытке «встроить» государственную власть

в систему права. Российское самодержавие в проекте Сперанского не ликвидировалось, но переставало быть исключительно персональной волей монарха и должно было действовать через институты, компетенции, процедуры и устойчивые нормы.

Проекту М. М. Сперанского предшествовали несколько важных этапов развития российской правовой мысли. Первым опытом юридического ограничения верховной власти были «Кондиции» 1730 г., в которых занятие престола Анной Иоанновной связывалось с принятием определенных условий. Однако этот документ имел аристократический характер и не создавал общегосударственной системы законности [10, с. 112-118].

Вторым этапом стал «Наказ» Екатерины II 1767 г., который ввел в официальный дискурс язык Просвещения, законности, соразмерности наказания и общего блага. Однако «Наказ» не ограничивал самодержавие политически и прямо исходил из необходимости самодержавной власти [11, с. 41-56]. Он представлял собой образец просветительской законности без политической конституции. М. М. Сперанский сделал следующий шаг. Он попытался соединить просветительскую идею законности с институциональной архитектурой государства. Если Екатерина II говорила о разумных законах, то Сперанский ставил вопрос о системе органов и процедур, посредством которых эти законы должны возникать и действовать. Тем самым его проект был более юридически зрелым, чем предшествующие документы XVIII в. Контекст начала XIX в. был особенно благоприятен для такой постановки вопроса. После Французской революции и наполеоновских войн европейская политико-правовая мысль уже не могла игнорировать проблему конституции. В то же время российское самодержавие стремилось сохранить устойчивость, избежав революционного сценария. Проект М. М. Сперанского был ответом именно на эту дилемму: как модернизировать государство, не разрушая монархическую основу власти [15, с. 63-84].

Главным конституционно-правовым элементом проекта М. М. Сперанского была концепция т.н. «коренных государственных законов». В традиционной самодержавной системе закон мог пониматься как выражение воли монарха. У М. М. Сперанского возникает иная конструкция: государство должно иметь устойчивые основополагающие законы, определяющие само устройство власти. Во «Введении» М. М. Сперанский различал законы государственные и законы гражданские. Государственные законы определяли отношения

лиц к государству, гражданские - отношения лиц между собой [1, с. 17]. Внутри государственных законов особое место занимали коренные законы, то есть законы, определяющие состав, форму и пределы действия высших учреждений [3, с. 19-22]. Именно здесь проявляется протоконституционный характер документа (как мы его понимаем в цикле настоящих статей) [1, с. 130-139]. По существу, «коренные государственные законы» у Сперанского выполняли ту функцию, которую в современном праве выполняет конституция: они должны были закрепить основы государственного устройства, систему властей, компетенцию высших органов, порядок законодательства и пределы управления.

Принципиально важно, что М. М. Сперанский не сводил реформу к созданию новых учреждений. Он стремился создать иерархию норм. Текущие законы должны были соотноситься с коренными законами, а государственные учреждения - действовать в пределах установленной компетенции. Это уже не просто административная модернизация, а правовая конструкция государства.

Примером протоконституционного мышления является сама постановка вопроса о том, что высшие органы власти не должны существовать только как производные от личной воли монарха, а должны иметь правовое основание, компетенцию и процедуру деятельности. М. М. Сперанский тем самым предвосхищал более позднюю идею конституционно закрепленной компетенции органов государственной власти.

Вторым фундаментальным элементом проекта М. М. Сперанского было разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей. Во «Введении» он исходил из того, что государственная власть проявляется в трех основных силах: законодательной, исполнительной и судебной [2, с. 31-36]. На первый взгляд, это сближает проект М. М. Сперанского с классической доктриной Ш. Л. Монтескье. Однако российская модель имела свою специфику. Сперанский не предлагал разделить власть так, чтобы монарх был устранен из законодательного или исполнительного процесса. Верховная власть императора сохранялась. Но внутри этой верховной власти должны были быть юридически разграничены функции, учреждения и процедуры [5, с. 157-169]. Это принципиальный момент. М. М. Сперанский понимал (как нам это представляется, автор настоящей статьи не претендует на истину в последней инстанции) разделение властей не как революционное разрушение монархии, а как способ предотвращения смешения функций, административного произвола и

неупорядоченности государственного механизма. В его логике законодательство не должно отождествляться с управлением, управление - с судом, а суд - с административной властью.

Такое разграничение имело протоконституционное (в логике настоящего исследования) значение по нескольким причинам. Во-первых, оно предполагало, что каждая ветвь государственной деятельности имеет собственную правовую природу и не может произвольно подменяться другой. Во-вторых, оно требовало создания особых учреждений для законодательной, исполнительной и судебной сфер. В-третьих, оно вводило идею компетенции как юридического предела деятельности органа власти. В-четвертых, оно подготавливало почву для независимости суда и законности управления. Даже если в проекте М. М. Сперанского не было полного разделения властей в современном смысле, там была заложена важнейшая идея: государственная власть должна быть организована не только персонально, но и функционально. Для самодержавной России это был существенный сдвиг от личной власти к юридической архитектуре власти.

Одним из наиболее значимых элементов проекта была идея Государственной думы. Сперанский предлагал создать многоступенчатую систему представительства: волостные, окружные, губернские думы и Государственную думу [2, с. 55-68]. Эта система не была демократической в современном смысле; она сохраняла имущественные и сословные ограничения, не предполагала всеобщего равного избирательного права и не превращала Думу в орган парламентского суверенитета. Однако ее значение для российской государственно-правовой истории чрезвычайно велико. Государственная дума по проекту М. М. Сперанского должна была участвовать в законодательстве. Законы не должны были возникать исключительно как результат административного усмотрения. Они предполагали обсуждение, представительное участие и прохождение через определенную процедуру. Именно поэтому Государственная дума М. М. Сперанского была не парламентом в полном смысле, но протопарламентским учреждением. Она выражала идею, что законодательство должно быть не только волей власти, но и результатом организованного обсуждения с участием представителей общества.

Протоконституционное значение этой идеи проявилось позднее. Когда в 1905-1906 гг. в Российской империи была создана Государственная дума, она возникла уже в иной политической ситуации, но сама идея общеимперского представительного учреждения

имела глубокую предысторию. Проект М. М. Сперанского был одним из наиболее ранних и юридически разработанных вариантов такой модели [13, с. 201-219]. Таким образом, связь между проектом 1809 г. и последующим российским парламентаризмом состоит не в прямой институциональной преемственности, а в правовой логике: законодательная власть должна быть организована через представительное обсуждение и установленную процедуру.

Важнейшим институтом проекта М. М. Сперанского был Государственный совет. В отличие от Государственной думы, которая должна была выражать представительный элемент, Государственный совет мыслился как высшее законосовещательное учреждение, обеспечивающее системность, юридическую экспертизу и согласование законодательства [2, с. 70-76]. Государственный совет был учрежден в 1810 г., уже после подготовки проекта. Он стал одним из немногих элементов программы М. М. Сперанского, получивших практическую реализацию [7, с. 247-252]. Однако его создание не означало реализации всего конституционного плана: Государственная дума, многоступенчатое представительство и полноценное разграничение властей не были введены. Тем не менее, значение Государственного совета огромно. Он выражал идею, что законодательство должно проходить через особую правовую процедуру и экспертное обсуждение. Закон переставал быть только актом непосредственного административного распоряжения и приобретал черты системного нормативного решения. В этом проявляется еще одна грань протоконституционности проекта Сперанского. Конституционализм предполагает не только права и представительство, но и юридическую процедуру производства закона. Государственный совет был призван обеспечить именно процедурность и рациональность законодательства. В дальнейшем эта линия получила развитие в Основных государственных законах 1906 г., где законодательная власть императора осуществлялась уже в единении с Государственным советом и Государственной думой [18]. Разумеется, модель 1906 г. была иной, но историческая идея двухступенчатой законодательной процедуры имеет очевидную связь с более ранними проектами правительственного конституционализма.

Судебный элемент проекта М. М. Сперанского имеет особое значение. В самодержавной системе суд традиционно был тесно связан с администрацией, а судебная защита подданных не имела устойчивых гарантий независимости. Сперанский же исходил из необходимости разграничить суд и управление,

придать суду самостоятельную организационную форму и связать правосудие с законом [2, с. 82-91]. Конституционное значение суда состоит в том, что именно судебная власть превращает закон из декларации в механизм защиты. Без суда права подданных остаются политическими обещаниями. Поэтому проект судебной организации у М. М. Сперанского был не технической деталью, а частью общей протоконституционной модели.

Разумеется, М. М. Сперанский не создавал независимую судебную власть в современном смысле. Его проект оставался монархическим и бюрократическим. Однако он содержал несколько принципиальных идей: суд должен быть отделен от исполнительного управления; судебная деятельность должна иметь особую процедуру; суд должен действовать на основании закона; судебная система должна быть встроена в общую структуру государственных учреждений; защита прав подданных невозможна без юридической формы правосудия. Эти идеи предвосхищали судебную реформу 1864 г., которая уже значительно позднее закрепила принципы независимости суда, состязательности, гласности и адвокатуры [14, с. 145-167]. Между проектом М. М. Сперанского и реформой Александра II нет прямой юридической преемственности, но есть преемственность правовой проблемы: государство должно перестать быть единой административной машиной и признать суд особой формой власти.

Еще одним аргументом в пользу протоконституционной природы «Введения» является внимание М. М. Сперанского к правовому положению подданных. Он рассматривал государственные законы не только как нормы об учреждениях, но и как нормы, определяющие отношения лиц к государству [2, с. 17-19]. М. М. Сперанский не был сторонником немедленного демократического равенства. Его взгляды сохраняли сословные ограничения, а проект не предполагал немедленной ликвидации крепостного права. Однако он вводил важную юридическую категорию - гражданское состояние. Подданный рассматривался не только как объект управления, но и как лицо, имеющее определенное правовое положение [8, с. 103-114]. Это принципиально отличает проект от чисто административных реформ. В административной логике государство организует учреждения для более эффективного управления населением. В протоконституционной логике государство определяет также правовое положение лиц по отношению к власти. М. М. Сперанский приближался именно ко второй модели. В его проекте права подданных еще не превращались в каталог основных прав и свобод, как в конституциях Нового времени. Но сама постановка вопроса о гражданских и политических

правах, о законной свободе, о правовом статусе сословий и лиц имела значение для будущего российского конституционализма. Здесь проявляется постепенный характер правовой модернизации. Российский конституционализм не возник сразу как система универсальных прав человека. Он формировался через переход от сословных привилегий к юридическому статусу, от милости власти - к законным правам, от подданства - к гражданскому состоянию.

Наиболее сложный вопрос связан с отношением проекта М. М. Сперанского к самодержавию. Критики могут утверждать, что документ не был конституционным, поскольку сохранял верховную власть императора. Такой аргумент справедлив лишь частично. Действительно, М. М. Сперанский не предлагал ликвидировать монархию. Император оставался верховным источником власти, а государственная система сохраняла монархический характер. Но конституционализм исторически не всегда начинается с республики или парламентского суверенитета. Во многих странах ранний конституционализм возникал как ограниченная монархия, в которой власть государя постепенно связывалась законом, представительством и процедурой [13, с. 61-78].

Проект М. М. Сперанского был именно таким вариантом. Его смысл состоял не в уничтожении самодержавия, а в преобразовании его из персонально-административной власти в правозаконную монархию. В этом отношении он был не антиимперским, а имперско-реформаторским. Ограничение власти у М. М. Сперанского осуществлялось не через прямое провозглашение народного суверенитета, а через четыре юридических механизма. Первый механизм - коренные законы, определяющие устройство государства. Второй механизм - разграничение властных функций, препятствующее смешению законодательства, управления и суда. Третий механизм - представительное участие в законодательстве через систему дум. Четвертый механизм - процедурность законодательства через Государственный совет и установленный порядок рассмотрения законопроектов. Эти механизмы не устранили монарха, но существенно меняли природу монархической власти. Она должна была действовать не произвольно, а через закон, учреждение и процедуру. Именно это и является ядром «протоконституционной» модели М. М. Сперанского.

Здесь следует дополнительно пояснить. Для признания документа протоконституционным важно установить, что он содержит не отдельные реформаторские предложения, а систему элементов будущей конституционной

государственности. «Введение к уложению государственных законов» отвечает, на наш взгляд, этому критерию. Во-первых, оно предлагает теорию основного закона в форме концепции коренных государственных законов. Во-вторых, разграничивает основные функции государственной власти. В-третьих, предусматривает представительный элемент в законодательстве. В-четвертых, проектирует высшие государственные учреждения - Государственную думу, Государственный совет, судебные и исполнительные органы. В-пятых, связывает законодательство с процедурой. В-шестых, рассматривает правовое положение подданных как предмет государственных законов. В-седьмых, стремится заменить произвольное управление юридически организованным порядком. Именно совокупность этих признаков отличает проект Сперанского от обычных административных записок и реформаторских меморандумов. Он был направлен не только на улучшение управления, но и на учреждение новой правовой формы государства. Поэтому его можно определить как правительственный протоконституционный акт рационализации самодержавной власти. Это определение позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, неправомерного признания проекта полноценной конституцией; с другой - недооценки его значения как обычной бюрократической реформы.

Хотя проект М. М. Сперанского не был реализован в полном объеме, его влияние на российскую государственно-правовую традицию было значительным.

Во-первых, учреждение Государственного совета в 1810 г. стало частичной реализацией его программы. Государственный совет не был конституционным органом в полном смысле, но стал важным элементом законодательной процедуры Российской империи [7, с. 247-252].

Во-вторых, сама идея коренных государственных законов получила дальнейшее развитие в российской правовой мысли XIX в. Позднее она проявилась в проектах Государственной уставной грамоты Российской империи Н. Н. Новосильцева и в дискуссиях о пределах самодержавной власти [17, с. 276-312].

В-третьих, проект М. М. Сперанского предвосхитил проблематику декабристских конституционных проектов. Конечно, «Русская правда» П. И. Пестеля и «Конституция» Н. М. Муравьева были политически более радикальны. Но вопрос о системе властей, представительстве, гражданском состоянии и правовом устройстве государства уже был поставлен Сперанским в правительственном формате.

В-четвертых, линия Сперанского прослеживается в последующих реформах XIX в., особенно в судебной реформе 1864 г., земской реформе и дискуссиях о народном представительстве [14, с. 145-167].

В-пятых, наиболее отдаленная, но принципиальная связь обнаруживается с Основными государственными законами 1906 г. В них впервые была юридически закреплена общеимперская модель, при которой законодательная власть императора осуществлялась с участием Государственного совета и Государственной думы [18]. Эта модель не была прямым воплощением проекта Сперанского, но она решала тот же ключевой вопрос: как соединить монархическую власть с представительными и законосовещательными институтами. Таким образом, значение проекта М. М. Сперанского состоит не только в его нереализованных положениях. Он создал «архитектуру» правительственного конституционализма, к которым российская государственность возвращалась на протяжении всего XIX в.

Можно сделать вывод о том, что «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. занимает особое место в истории российского конституционализма. Оно не было конституцией в формально-юридическом смысле и не создало действующий конституционный строй. Императорская власть сохранялась, народный суверенитет не провозглашался, парламентская ответственность правительства не вводилась, а проект в целом не получил практической реализации. Однако именно этот документ стал наиболее развитой правительственной программой раннего конституционного реформирования Российской империи. Его значение состоит в том, что Сперанский впервые предложил относительно целостную юридическую модель преобразования имперской власти через коренные государственные законы, разграничение властей, представительство, законодательную процедуру, судебную организацию и правовой статус подданных.

Протоконституционный характер «Введения» заключается в том, что оно не уничтожало самодержавие, но стремилось поставить его в определенные правовые рамки. Это была не революционная программа, а план юридической трансформации института монархии. Власть должна была действовать не как произвольная воля, а как система закона, учреждения и компетенции. Именно поэтому проект М. М. Сперанского следует рассматривать как один из важнейших истоков российского

конституционализма. Он предшествовал последующим конституционным проектам XIX в., подготовил язык правительственного конституционализма и обозначил ту проблему, которую Российская империя так и не смогла окончательно решить до 1917 г.: как соединить историческую монархическую государственность с правовым ограничением власти, представительством и юридической свободой личности.

Особое место в дореволюционной истории занимает Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. [4]. Она не была конституцией Российской империи в целом, однако действовала в государственно-правовом пространстве империи и была дарована Александром I как польским королем. В этом состоит важный парадокс: конституционная форма оказалась возможной на присоединенной территории, но не была распространена на общеимперский центр.

Хартия закрепляла автономный статус Царства Польского, особые органы управления, сейм и определенные гарантии правового порядка [4]. Государственно-правовая модель Царства Польского представляла собой конституционную монархию под верховной властью российского императора. Для российской истории это имело большое значение: конституция как юридическая форма перестала быть внешней абстракцией и стала реально действующим институтом в пределах империи. Политически эта конструкция была неоднозначной. С одной стороны, она демонстрировала способность империи к правовой дифференциации и признанию представительных институтов. С другой — усиливала противоречие между конституционными правами периферии и самодержавным устройством центра. Российские подданные в собственно имперской части государства не получили аналогичного статуса, что неизбежно порождало вопрос о возможности общеимперской конституции.

Конституционная хартия Царства Польского была подписана Александром I 15(27) ноября 1815 г. в Варшаве [19]. В соответствии с ней Царство Польское получало автономию в составе Российской империи и конституционно-монархическую форму устройства [20, с. 120]. В отечественной историографии данный акт обоснованно характеризуется как первый конституционный акт, действовавший в государственно-правовом пространстве Российской империи [20, с. 120].

При этом необходимо подчеркнуть: Хартия не была конституцией Российской империи как единого государства. Она не распространялась на губернии собственно России, не изменяла правовой природы общеимперского

самодержавия, не создавала общеимперского парламента и не закрепляла прав подданных всей империи. Ее действие было территориально ограничено Царством Польским.

Тем не менее именно это обстоятельство делает Хартию особенно важной. Она показывает, что российская государственность начала XIX в. могла включать в себя различные правовые режимы: самодержавно-бюрократический режим в центре и конституционно-автономный режим на отдельной территории. Такой порядок был типичен для сложных империй, где единая верховная власть сочеталась с неодинаковым правовым статусом земель, народов и институтов.

С формально-юридической точки зрения Хартия была польским основным законом. С историко-правовой точки зрения она была также российским имперским актом, поскольку была дарована российским императором, выступавшим одновременно польским королем, и действовала в пределах политического пространства империи. Именно поэтому ее следует рассматривать как часть дореволюционной истории российского конституционализма, хотя и не как общеимперскую конституцию.

Одной из главных причин, по которым конституционная форма стала возможной именно в Царстве Польском, были международно-правовые обстоятельства 1814–1815 гг. После наполеоновских войн судьба польских земель стала предметом европейского дипломатического урегулирования. Венский конгресс не восстановил независимую Речь Посполитую, но создал Царство Польское, соединенное с Российской империей личной унией.

Важным элементом этого урегулирования стало признание за польскими землями права на особые национальные учреждения. Российская империя, Австрия и Пруссия при разделе территории бывшего Варшавского герцогства приняли обязательство предоставить полякам автономию и право иметь национальные представительные учреждения [20, с. 120]. Это обстоятельство принципиально отличало положение Польши от положения собственно российских губерний.

Следовательно, польская конституция была не только внутренним актом воли Александра I, но и результатом международного контекста. Для России введение Хартии было способом легитимировать присоединение польских земель в глазах Европы. Конституционная форма позволяла представить российское владычество над Польшей не как простую аннексию, а как особую политико-правовую конструкцию, предполагающую автономию, национальные учреждения и сохранение польской идентичности.

Именно поэтому в отношении Польши возникла ситуация, невозможная для российского центра. Международная дипломатия создала внешний стимул к конституционному оформлению польской автономии. В отношении самой России такого внешнего обязательства не существовало. Конституционное преобразование имперского центра зависело исключительно от внутренней политической воли монарха и готовности правящих сословий, а эти предпосылки были недостаточны.

Конституционная хартия Царства Польского позволяет говорить о феномене территориального конституционализма. Его сущность состоит в том, что конституционные институты вводятся не как общий принцип государственной организации, а как особый режим конкретной территории.

Такой подход был характерен для империй. Имперская власть часто управляла различными территориями не одинаково, а дифференцированно. Одни территории получали автономию, другие управлялись напрямую; одни сохраняли местные законы, другие включались в общеимперскую административную систему; одни имели представительные органы, другие — нет. В этом смысле польская Хартия была не случайностью, а проявлением имперской правовой асимметрии. Российская империя могла допустить особый конституционный порядок там, где он помогал удерживать территорию, удовлетворять элиту и соблюдать международные ожидания. Но она не была готова признать этот порядок универсальным принципом для всей империи.

Территориальный конституционализм имел очевидные преимущества. Он позволял гибко управлять сложными территориями, учитывать местные традиции и снижать сопротивление присоединенных обществ. Однако он имел и существенный недостаток: он создавал неравенство правовых режимов и порождал вопрос о том, почему одни подданные империи имеют конституционные гарантии и представительство, а другие — нет. Именно этот вопрос был опасен для самодержавного центра.

Особенно показательным является выступление Александра I при открытии первого Сейма Царства Польского в 1818 г. В нем император говорил о возможности распространения «законно-свободных учреждений» на остальные территории Российской империи [2, с. 120]. Это заявление вызвало значительный резонанс, поскольку впервые столь отчетливо прозвучала мысль о потенциальной общеимперской конституционализации.

Однако практических последствий это заявление не имело. Конституционный опыт

остался польским, территориально ограниченным. Российский центр не получил ни общеимперской думы, ни конституционного закона, ни системного закрепления прав подданных. Причины этого уже были обозначены выше: сопротивление дворянско-бюрократической среды, опасение политической дестабилизации, нерешенность крестьянского вопроса, слабость общественных институтов и внутренняя противоречивость политики Александра I. Император мог быть инициатором либеральных проектов, но не был готов довести их до институционального ограничения собственной власти. В этом проявилась важная особенность российской модернизации: реформаторская мысль часто опережала политическую готовность государства. Конституция могла быть произнесена как обещание, разработана как проект, дарована как локальная хартия, но не становилась общеимперским правовым порядком.

Влияние польской хартии проявилось в последующих проектах, прежде всего в Государственной уставной грамоте Российской империи Н. Н. Новосильцева [5]. Самосопоставление этих документов показывает, что дореволюционный российский конституционализм развивался не только через оппозиционную политическую мысль, но и через практику управления многонациональной империей. Таким образом, Конституционная хартия Царства Польского является одним из ключевых доказательств дореволюционного происхождения российского конституционализма. Она подтверждает, что конституционная форма была известна, признана и частично применена российской верховной властью. Проблема заключалась не в отсутствии представления о конституции, а в нежелании перенести ее на всю империю и тем самым ограничить самодержавный центр.

Список литературы:

Грудцына Л. Ю. Ранние формы российского конституционализма: протоконституционные акты. Часть 1. «Кондиции» Анны Иоанновны 1730 г., «Наказ» Екатерины II 1767 г. // Образование и право. 2026. № 6. С. 130-139.

Сперанский М. М. План государственного преобразования: Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. С. 121-148.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1845. 174 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб.: Императорская публичная библиотека, 1861. Т. 1. 394 с.

Семевский В. И. Михаил Михайлович Сперанский. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906. 312 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 5. М.: Мысль, 1989. 476 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. 1725-1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.

Омельченко О. А. Законная монархия Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

Томсинов В. А. История русской юриспруденции XVIII века. М.: Зерцало-М, 2011. 256 с.

Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII - первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. М.: Прометей, 2017. 394 с.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1907. 856 с.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 2. 476 с.

Государственная уставная грамота Российской империи // Конституционные проекты в России XVIII - начала XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 276-312.

Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. СПб., 1909. № 27805.

Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. // Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского 1814-1881 гг. СПб.: Издание Н. Д. Сергеевского, 1907.

Конституция Царства Польского 1815 // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 120.

References:

[1] Grudtsyna L.Yu. Early forms of Russian constitutionalism: proto-constitutional acts. Part 1. "Conditions" by Anna Ioannovna 1730, "Order" by Catherine II 1767 G.//Education and law. 2026. № 6. S. 130-139.

[2] Speransky M. M. Plan for state

transformation: Introduction to the Code of State Laws of 1809 M.: Russian Thought, 1905. 359 pp.

[3] Speransky M. M. Introduction to the Code of State Laws//Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 6: Legislation of the first half of the XIX century. M.: Legal literature, 1988. S. 121-148.

[4] Speransky M. M. Guide to the knowledge of laws. St. Petersburg: Printing House of the II Branch of the E.I.V. Chancellery, 1845. 174 pp.

[5] Montesquieu Sh. L. On the spirit of the laws. M.: Thought, 1999. 672 p.

[6] Karamzin N. M. Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. M.: Science, 1991. 127 s.

[7] Korf M.A. The life of Count Speransky: in 2 volumes of St. Petersburg: Imperial Public Library, 1861. VOL. 1. 394 pp.

[8] Semevsky V.I. Mikhail Mikhailovich Speransky. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1906. 312 s.

[9] Klyuchevsky V.O. Course of Russian history: at 5 h. Part 5. M.: Thought, 1989. 476 p.

[10] Anisimov E.V. Russia without Peter. 1725-1740. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. 496 pp.

[11] Omelchenko O. A. The legitimate monarchy of Catherine II: enlightened absolutism in Russia. M.: Lawyer, 1993. 428 pp.

[12] Tomsinov V. A. History of Russian jurisprudence of the XVIII century. M.: Zerkalo-M, 2011. 256 s.

[13] Zakharov V. Yu. Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII - first quarter of the XIX centuries: the experience of comparative historical analysis. M.: Prometheus, 2017. 394 pp.

[14] Dzhanishiev G. A. The era of great reforms. M.: Printing house A.I. Mamontov, 1907. 856 pp.

[15] Mironenko S.V. Autocracy and reforms: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M.: Nauka, 1989. 240 s.

[16] Schilder N.K. Emperor Alexander the First: his life and reign: in 4 tons of St. Petersburg: Ed. A.S. Suvorina, 1897. VOL. 2. 476 p.

[17] State Charter of the Russian Empire// Constitutional projects in Russia of the 18th - early 20th centuries M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2000. S. 276-312.

[18] Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906//Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd. T. XXVI. St. Petersburg, 1909. № 27805.

[19] Constitutional Charter of the Kingdom of Poland 1815//Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former Kingdom of Poland 1814-1881. St. Petersburg: Edition of N. D. Sergeevsky, 1907.

[20] Constitution of the Kingdom of Poland 1815//Great Russian Encyclopedia. VOL. 15. M.: Great Russian Encyclopedia, 2010. S. 120.